

Сергей Яцемирский

**Опыт сравнительного
описания минойского,
этрuscoго и родственных им
языков**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 81
ББК 81
С32

Сергей Яцемирский
С32 Опыт сравнительного описания минойского, этрусского и родственных им языков / Сергей Яцемирский – М.: Книга по Требованию, 2019. – 311 с.

ISBN 978-5-9551-0479-9

Яцемирский Сергей Александрович, специалист в области сравнительно-исторической языкознания, кандидат филологических наук. Защитил в 2006 г. диссертацию по теме "Проблемы морфологии тирренских языков" (Российский государственный гуманитарный университет, Москва). Область научных интересов - мертвые доиндоевропейские языки южной Европы и Кипра (тирренские, минойский, сардский), греческий язык, латинский и другие италийские языки, формирование и история романских языков.

Предлагаемая читателю работа в известной степени является продолжением кандидатской диссертации, посвященной тирренским языкам (этрусскому и близким ему малоизвестным диалектам I тыс. до и. э.), а также включает описание минойского языка (т. е. языка древнейшего населения Крита), в соответствии с предложенной автором гипотезой о генетическом родстве этих идиомов. Помимо сравнительного описания собственно языковых реалий (фонетики, морфологии, словообразования) она содержит необходимые экстралингвистические сведения - информацию о народах-носителях этих языков, характеристику письменных памятников и других источников, ряда собственно письменностей, а также описание некоторых методов дешифровки и комбинаторного анализа. Монография призвана восполнить возникший не только в отечественной, но и в мировой науке пробел в сравнительном исследовании всех перечисленных языков.

ISBN 978-5-9551-0479-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2019

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2019

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

*Моей маме,
Людмиле Николаевне Яцемирской*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая работа является завершением определённого этапа исследований, проводившихся мною в течение ряда лет по тирренским языкам (т. е. языку этрусков и ряду диалектов I тыс. до н. э., весьма ему близких, но известных по гораздо меньшему количеству памятников), а также языку древнего Крита, который в кругах специалистов по средиземноморской лингвистике, микенологов, филологов-классиков, а также историков обычно именуется «минойским». В известной степени эта публикация является продолжением диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук, защищённой мною в стенах Российского государственного гуманитарного университета (Москва) под руководством чл.-корр. РАН, д. филол. н., проф. В. А. Дыбо.

Поскольку решение двух главных из ставившихся мною задач, предложенное в диссертации (сопоставительное описание фонетики, лексики и морфологии тирренских языков I тыс. до н. э. и основанное на нём обоснование их родства*) не нашло серьёзных возражений со стороны филологов-классиков, специалистов по сравнительно-историческому и общему языкознанию (этрускологическая школа в

* Необходимо оговориться, что первичное сравнение ни одной из пар тирренских языков не является моей заслугой — к выводу о родстве этрусского и «лемносского» пришли сразу несколько специалистов уже в начале XX века, в рамках «тирренской» группы этрусский и ретийский были объединены в 1980—1990-е годы Г. Риксом, южнолузитанский, «лемносский» и этрусский сравнивал уже А. Шульген около 70 лет назад, на явные параллели между этрусским и этеокипрским указал А. И. Харсекин в 1970-е годы. Но сравнение и подробное описание всех пяти идиомов на достаточно объёмном материале никогда не предпринималось, а два последних сравнения и вовсе оказались забыты. Компенсировать эти упущения и было одной из моих целей.

нашей стране, к сожалению, совершенно отсутствует), у меня появилась возможность не только расширить и в некоторой степени отредактировать имеющийся материал, но и вывести сравнение на новый уровень — а именно, заняться изучением языка Крита (т. е. языка уже II тыс. до н. э.), относительно которого у меня давно существовали соображения о генетической близости с языками тирренскими, но попытка его рассмотрения вместе с идиомами, затронутыми в диссертации, была бы логически преждевременной — собственно, не существовало сколь-нибудь объёмного сравнительного исследования этой группы, и описание языка принципиально более древнего состояния вместе с ними вряд ли было бы положительно воспринято научным сообществом.

Конечно, в силу объективных причин разделы, посвящённые минойскому, значительно уступают тирренским по объёму, но выполняют, по моему мнению, не менее важную задачу. Во-первых, можно надеяться, что они помогут ввести читателя в единый лингвистический контекст, показывая, что мы имеем дело не с горсткой разрозненных изолятов или, например, с двумя-тремя близкородственными диалектами одного изолята, а с группой, просматривающейся уже и в диахронии, с довольно чётко наметившимися центром и периферией, во-вторых, позволяют решить несколько конкретных задач — например, чтения ряда памятников, атрибуции многих заимствований в греческом, исследования отдельных вопросов истории письменности и т. д.

Отсутствие обобщающего сравнительного исследования и сама гипотеза о родстве тирренов и критян сделали совершенно необходимым помещение в основной текст исследования многих экстралингвистических данных (основных сведений о тирренах и критянах, известных письменных памятниках и системах письма), а в Приложения — транслитерации ряда надписей. Я смею надеяться, что данное издание сможет послужить кратким введением в лингвистическую этрускологию и миноистику.

Я обязан выразить благодарность моим учителям, коллегам и друзьям, оказывавшим мне неоценимую помощь все эти годы, детально разбиравшим конкретные вопросы и читавшим объёмные разделы рукописи, предоставлявшим материалы научных изданий, задававшим серьёзные вопросы на конференциях и в переписке и указывавшим на самые различные аспекты, не замеченные мною — проф. В. А. Дыбо, проф. В. В. Шеворошину, проф. В. П. Нерознаку, проф. А. В. Дыбо, к. филол. н. А. С. Касьяну и другим.

Отдельно следует назвать мисс Пегги Дули (Бенисия, Калифорния), которая сделала это издание не только осуществимым материально, но и в течение нескольких лет бескорыстно помогала мне научной литературой (в первую очередь, по Криту), без которой оно вряд ли состоялось бы и в рукописи.

С. Яцемирский
октябрь 2010 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

СОСТАВ МИНОЙСКО-ТИРРЕНСКОЙ ГРУППЫ ЯЗЫКОВ

В течение долгого времени единственным мёртвым неиндоевропейским эпиграфическим языком средиземноморской Европы, о котором было известно науке, оставался этрусский; в частности, в Италии все нелатинские и негреческие надписи объявлялись этрусскими. Так в число «этрусских» текстов попадали оскско-умбрские, фалисские, ретийские и другие надписи; например, истинная принадлежность знаменитых умбрских Игувинских таблиц (открытых в 1444 г.) была установлена лишь в XIX в. К концу XIX в. удалось чётко очертить собственно этрусские памятники; появились первые научные версии происхождения этрусов. Ещё в XVIII в. Н. Фрере выдвинул т. н. «северную» гипотезу об их появлении в Италии, впоследствии поддержанную Б. Нибуром и В. Гельбигом [Немировский 1983: 7—9]; хотя сама гипотеза была весьма натянутой и совершенно не оправдала себя в дальнейшем, она привлекла внимание учёных к ретийскому эпиграфическому материалу (в свою очередь, весьма неоднородному). В 1885 г. на о. Лемнос была открыта надпись на языке, близость которого с этрусским была отмечена уже ранними исследователями, а после расшифровки кипрского слогового письма (1911 г.) выяснилось, что часть местных надписей также составлена на неиндоевропейском языке, на сходство которого с этрусским обратил внимание отечественный этрусколог — А. И. Харсекин [Харсекин 1976б]. В целом, к этому времени горизонты изучения новой группы языков существенно расширились.

На сегодняшний день можно уверенно говорить о родстве этрусского языка с рядом вымерших идиомов, бытовавших в древности в различных районах Средиземноморья. Очевидно, что эти языки на

определённом этапе распространялись весьма широко и существенно плотнее, чем во время создания имеющихся письменных памятников, а впоследствии были вытеснены языками индоевропейских народов. В данном исследовании эти языки будут обозначаться как «минойский» и «тирренские» (пояснение см. ниже).

В самой же колыбели европейской цивилизации — в Эгеиде — доиндоевропейские письменные памятники были обнаружены на рубеже XIX—XX вв. Во время своих знаменитых раскопок на Крите сэра А. Эванс открыл сразу три разновидности письма, из которых лишь последняя — которой было присвоено название «линейное письмо В» — скрывала греческий язык; в 1909 г. к ним присоединилась письменность Фестского диска (опубликован Л. Пернье), памятника, по сей день остающегося уникальным. Кроме этого, стала известна древнейшая система письма Кипра, являющаяся переходным звеном между линейным А и классическим кипрским силлабарием; она также использовалась для неиндоевропейского языка.

Обо всех этих языках и письменностях и пойдёт речь ниже.

Минойский язык

Минойским языком по достаточно давно закрепившейся традиции принято называть язык древнейшего и, вне всякого сомнения, доиндоевропейского населения Крита, создавшего культуру, которую также именуют «минойской» по имени полулегендарного царя Миноса (Μίνως)¹, известного античным авторам как законодателя Крита, создателя общекритской державы и морского могущества (т. н. «талассократии Миноса»). Очевидно, что этот язык присутствовал на Крите уже в середине III тыс. до н. э.; здесь датировка напрямую зависит от датировки имеющихся письменных памятников, выполненных наиболее древними местными разновидностями письма — иероглифического (с XXI или XX в. до н. э.) и, возможно, надписи Фестского диска, относящейся, вероятно, к XVII в. до н. э. (подробнее см. ниже, в главах «Источники» и «Письмо»). Мы будем пользоваться названием «минойский язык», понимая его условность; с другой стороны, имеется название, сохранившееся в памятниках линейного А, но нигде специально не использующееся (также см. ниже).

¹ Вероятно, что и сама эта форма представляет собой титул, а не имя собственное.

Этап развития древней критской культуры XX—XIX вв. до н. э., к которому относятся наиболее ранние из обнаруженных на сегодняшний день памятников, по принятой хронологической шкале обозначается как среднеминойский период I. Ни археологические памятники, ни свидетельства античных авторов не дают основания считать, что носители древнекритской культуры этого времени по этническому составу сколь-нибудь существенно отличались от жителей Крита раннеминойского периода. Отсутствие заметных изменений, могущих быть вызванными внешними причинами, позволяет говорить о полной преемственности в развитии данных этапов древнекритской культуры. Таким образом, у нас имеются очень серьезные основания полагать, что создатели первых письменных памятников говорили на том же языке, что и жители Крита второй четверти — середины III тыс. до н. э. (раннеминойский период I), с закономерными диахроническими изменениями. Наиболее вероятно, что минойские топонимы, сохраненные в греческих источниках (от памятников линейного письма *B* до поздних античных авторов) существовали задолго до появления классической письменности, будучи, таким образом, современны минойской цивилизации. Впоследствии часть из них была заменена на греческие; появились и аناолийские формы.

Хронология минойского языка письменного периода пока не поддается удовлетворительной разработке. Это связано в первую очередь с тем, что у нас отсутствуют убедительные чтения раннеминойских (т. е. иероглифических) надписей (а для текста Фестского диска нет бесспорного чтения ни одного знака). Основным объектом исследования были и остаются памятники восходящего к иероглифическому линейному письму *A*.

Синхронные данные минойского (т. е. материал надписей линейного *A*) позволяют отметить отдельные (весьма редкие) лексические параллели с малоазиатским (анаолийским), ближневосточным (семитским) и египетским ареалами. Вопрос о характере взаимодействия с аанаолийскими языками в описываемый период остается открытым. В отдельных формах из надписей линейного *A* усматриваются аанаолийские заимствования. Не исключено проникновение носителей хетто-лувийских языков на Крит в минойское время — хотя вполне возможно, что данные лексемы были усвоены предками жителей Крита ещё на материке. Доподлинно известно лишь присутствие аанаолийских топонимов и антропонимов в критских надписях линейного *B*; проникали аанаолийцы и на другие острова — ср., в

частности, свидетельство Геродота [I, 171] о том, что карийцы ранее жили на островах и назывались «лелегами»¹ (Λέλεγες < хет. *lulahhi* «варвар»)².

Параллели с семитскими языками не менее загадочны. В важнейших из них чётко выделяются минойские словообразовательные суффиксы, тогда как внутри семитской группы они не имеют регулярных соответствий, и это позволяет говорить о них как о ранних заимствованиях из минойского, но о времени и месте контактов рассуждать пока вряд ли возможно. Наконец, имеются немногочисленные египетско-критские параллели, явно появившиеся во времена расцвета критской морской державы (критяне — kftjw — упоминаются и в египетских источниках)³.

С течением времени население Крита стало являть собой весьма пёструю картину. В частности, Гомер [Od., IΘ, 175—179] указывает, что на острове, помимо этеокритян (т. е. «истинных критян» — минойцев, а также их потомков) жили также кидоны, пеласги, ахейцы и «разделенные на три колена» (τριχίκες) дорийцы⁴.

Данное свидетельство Гомера не может являться решающим аргументом при описании этнической ситуации на Крите в ранний период. Мы знаем, что ахейцы появляются на острове лишь начиная с 1450 г. до н. э., а дорийцы — ещё позднее, и нам ясно, что сведения о владычестве Миноса здесь явно ошибочны. Фактически, у Гомера описывается население Крита в период после 1200 г.; соответственно, и упоминание о пеласагах не указывает с необходимостью на их раннее присутствие на острове. Таким образом, нет оснований говорить о наличии на острове пеласго-фракийского (в условном современном понимании) населения в период, предшествовавший упадку минойского Крита, т. е. до 1450 г. до н. э. Палеобалканская топонимика для более раннего периода, как представляется, материально не засвидетельствована.

В любом случае, индоевропейские по происхождению палеобалканские диалекты не относятся к тематике нашего исследования; здесь важны лишь упоминания Гомера и других авторов о западном племе-

² Сходные сведения находим у Гесихия; совершенно загадочно свидетельство Стефана: «Φύσκος δέ, ἄφ' οὗ οἱ Λέλεγες οἱ νῦν Λοκροῖ» (в статье Φύσκος).

³ Вероятно, именно через посредство критян определённая часть египетских слов проникла в греческий; эти формы были подробно изучены П. В. Эрнштедтом [Эрнштедт 1953].

ни, кидонах (Κύδωνες), как современниках минойцев. Основа этого топонима и этнонима засвидетельствована непосредственно в надписях линейного А — ср. *ku-do-ni* (НТ 13, НТ 85), *ka-u-do-ni* (НТ 26) и, вероятно, от этой же основы *ka-u-de-ta* (НТ 13).

Очевидно, что кидоны и минойцы были родственными племенами, говорившими на близких диалектах. Кидоны, наряду с минойцами, воспринимались греческими авторами как автохтонное население Крита (заметим, что подобное указание о пеласагах отсутствует); подтверждением близкого родства является также генеалогический миф (объявление близкого родства является также генеалогический миф (объявление, свойственное эллинской традиции в целом), согласно которому эпоним этого народа Κύδων (личность, скорее всего, вымышленная) был внуком Миноса. Судя по свидетельству Гомера, этническая самостоятельность кидонов сохранялась, по крайней мере, до «тёмных веков»; исключительный интерес представляло бы собой выделение её материальных следов (т. е. диалектных отличий); такими могут являться некоторые фонетические колебания, в первую очередь — различия в огласовке части суффиксов (см. в главе «Словообразование»). Предположение А. А. Молчанова о том, что к XVI в. до н. э. сформировался «общекритский минойский язык» [Молчанов, Нерознак, Шарыпкин 1988: 171], таким образом, выглядит ненадёжным.

В принципе, такое положение вещей подтверждается и ситуацией с соперничеством Кносса и Кидонии как главных городов Крита; позднее Кносс занимает главенствующее положение, а дворцы Кидонии, Феста и других городов уже никогда не достигают уровня развития Кносского дворца. Можно допустить также, что Кносс и Кидония изначально являлись центрами двух главных племён, и «минойцы» носили самоназвание, однокоренное с *ko-no-sa* (по аналогии с Κύδωνες — Κυδωνία). Сведения о соперничестве Кносса и Кидонии сохранились до позднейшего времени [Strabo, X, 4, 11]. Третий город, позиция которого в этих столкновениях могла оказаться решающей, носил в классическое время тирренское (хотя и проникшее из индоевропейского) название Γόρτυν, *ko-tu* в линейном В⁴, однако сохранилось и его исконное наименование — Ἐλλώτια (с минойским корнем, рассмотренным ниже).

Гомер говорит о существовании на Крите девяноста городов; хотя число здесь, конечно, является поэтическим преувеличением, следует

⁴ Ср. идентичное этр. *curtun* — совр. итал. *Cortona*, аркад. Γόρτυς, макед. (Эмагия) Гортуvία, фесс. Γυρτόν, аркад. Κορτύνιοι (у Гесихия: «οἱ Ἀρκάδες ἢ γὰρ Κορτύς τῆς Ἀρκαδίας»), беог. Куртvнь (у Стефана) — памф. Κορδυτός, макед. Горδvνία; здесь же фесс. монетная легенда ΓΟΡΔΙΑΣ.

признать, что количество городских поселений на Крите было весьма внушительным. Главные города Крита носили, соответственно, большей частью неиндоевропейские, минойские названия, многие из которых сохранились до классического периода. В надписях линейного В упоминаются такие города, как *a-mi-ni-so* (Ἄμινισός), *a-pa-ta-wa* (Ἄπαταρα), *di-ka-ta-de* (Δίκτη), *ko-no-so* (Κνωσσός, Κνωσός), *ku-do-ni-ja* (Κυδωνία), *pa-i-to* (Φαιστός), *tu-ri-so* (Τυλισσός), *u-ta-no* (Ἰτανος). Эти названия имеют параллели в текстах линейного А, но они пока немногочисленны.

Вопрос о границах распространения минойского языка крайне сложен. Неизвестно, следует ли нам говорить об обособлении минойского из группы близких эгейских диалектов собственно на Крите, или о постепенном расширении ареала этого языка с развитием экспансии критской морской державы (ср., в частности, предположения о привнесении линейного А на Мелос и Феру [Поуп 1976: 85 и др.]). Догреческое население Кипра, явно относящееся к изучаемой нами группе, тоже может быть как её самостоятельной ветвью (где критское влияние выразилось в заимствовании письменности), так и потомками критских колонистов (вторая версия поддерживается А. А. Молчановым — ср. главу с говорящим названием «Минойцы на острове Афродиты» в издании [Молчанов 1992]).

После природной катастрофы середины XV в. до н. э., с которой большинство исследователей связывает упадок Критской державы, минойское население неуклонно сокращается, вытесняясь сначала ахейскими, а с XII в. до н. э. — дорийскими переселенцами. Время исчезновения последних остатков критской речи определяется уже по греческим свидетельствам и памятникам алфавитного письма (см. ниже, в разделе «Этеокритский язык»). Язык этот, засвидетельствованный в письменных памятниках на протяжении практически двух тысяч лет, представляет собой одну из самых трудноразрешимых загадок лингвистической науки. Будучи пришлым на территории Европы, он стал языком древнейшей европейской цивилизации; его происхождение, историю и внутреннюю структуру ещё предстоит раскрыть.

ЭТЕОКРИТСКИЙ ЯЗЫК

К тому времени, когда «истинные критяне» попали в поле зрения греческих историков, они представляли собой небольшие островки автохтонного населения, постепенно переходившего на греческий язык. Немногочисленные упоминания о них трудно считать сведени-